

Александр Бачило, Игорь Ткаченко

Пленники Черного Метеорита

...Снова и снова возвращался я к черной, продолговатой, похожей на лошадиную голову глыбе и подолгу неподвижно стоял перед ней, словно загипнотизированный размытыми бликами, пробегающими время от времени по оплавленной поверхности Метеорита. Откуда, из каких глубин необозримой Вселенной прилетел он на Землю? Кто наделил его этими таинственными свойствами, в странной сути которых я тщетно пытаюсь разобраться? Случайно он оказался здесь или был послан неведомым, не постижимым для нас разумом?

Когда смотришь на ноздреватую поверхность Метеорита, возникает удивительное чувство прикосновения к бесконечности. Сотни тысяч, а то и миллионы лет блуждал он в космосе, подчиняясь программе, заложенной его создателем, и память об этих временах — я уверен — до сих пор хранится в толще небесного странника. Стоя посреди зала, обитого темно-синей со звездами тканью, перед черной глыбой Метеорита, лежащего на мраморном постаменте, я начинал чувствовать, как часть этих воспоминаний становится моими собственными.

Если бы кто-нибудь мог окинуть взглядом всю Вселенную с ее звездными скоплениями, туманностями,

планетными системами и астероидами, он наверняка обратил бы внимание на странные эволюции, совершаемые крохотной песчинкой, курсирующей от одной планеты к другой. Движение ее нарушало все физические законы. Черный странник далеко стороной облетал звезды умершие, холодные, равно как и вспыхнувшие недавно, поливающие пространство вокруг губительным излучением;

Медленно и осторожно приближался к обитаемым планетам, кружил возле них, будто по-хозяйски оглядывая поверхность, и наконец погружался в атмосферу.

Проходили мгновения или тысячелетия — в масштабах Вселенной трудно отличить одно от другого — и неутомимый странник вновь объявлялся в межзвездном пространстве.

Так повторялось десятки и сотни раз.

Но что он искал на обитаемых планетах? В чем смысл его многовековых блужданий? Знания, накопленные цивилизациями? Или эмоции — энергия гнева, боли и радости? Или что-нибудь другое?

Ни на один из этих вопросов я не узнаю ответа до тех пор, пока...

Глава 1

Солнце садилось за зубчатую гряду скал, обступивших долину. Его последние лучи еще горели на окнах замка, что высился на холме, но

городок в долине уже погружался в сумерки. В свете заката на дороге, спускавшейся от замка к городу, показался всадник. Конь его мчался рысью, но было видно, что он устал и спешит лишь потому, что чует близкий отдых.

Въехав на улицу городка, всадник придержал коня и стал внимательно вглядываться в вывески, очевидно, в поисках харчевни или постоялого двора. Вид его мог бы удивить редких прохожих, спешивших по своим делам, если бы в этом краю кто-либо умел удивляться. На голове всадника был шлем с поднятым забралом, в руке турнирное копьё, а на боку — меч. Одет же он был в пропыленную, выгоревшую на солнце штормовку с надписью по спине «Мингео». Под штормовкой виднелась аккуратно заштопанная на груди тельняшка, из-за пояса торчала рукоять револьвера. Длинные ноги в узких панталонах, обутые в ботинки на рубчатой подошве, едва не касались земли. Картину дополняла подзорная труба, повешенная через плечо, и огромный фибровый чемодан, притороченный к седлу...

Словом, всадник был, без сомнения, странствующим рыцарем.

Вид запущенных, покосившихся домишек приводил его в уныние. Он помнил этот город совсем другим, сверкающим яркими красками, с нарядными толпами на площадях и улицами,

полными улыбчивых прохожих. Сколько знакомых дружеских лиц встречалось тогда на каждом шагу! Где же они теперь? Неужели никого не осталось? Неужели всех этих смелых, жизнерадостных людей поглотило неумолимое время? Впрочем...

Вон та приземистая фигура... Ведь это же... Не может быть! Да нет, никакого сомнения!

— Силач! — окликнул рыцарь прохожего, сгорбившегося под тяжестью огромного мешка.

На мгновение тот остановился и даже обернулся было, но сейчас же почти бегом припустил дальше.

— Постой же! — воскликнул рыцарь: — Чего вы испугались, чудак? Ведь это же я, Ланселот!

Человек с мешком не отозвался. Втянув голову в плечи, он скачками неся по улице, так что рыцарю была видна лишь его широкая спина.

— Остановитесь, Силач! — увещевал его Ланселот. — Да посмотрите же на меня, черт вас возьми!

Но тот испугался еще больше. Бросив в отчаянии мешок, он в три прыжка скрылся в узком темном переулке.

Рыцарь сокрушенно покачал головой и продолжал путь, недовольно бормоча что-то себе под нос и время от времени пожимая плечами.

Как все-таки давно он здесь не был. Вечный странствующий рыцарь, он и сам, пожалуй, не смог

бы сказать, какие края были для него родными. С равной самоотверженностью Ланселот совершал рыцарские подвиги на каменистых дорогах Испании, сражался с пиратами в просторах Карибского моря, добывал нефть в Северных широтах и отбивал атаки наемников, будучи комиссаром провинции на жарких равнинах восставшего Гарменона. Куда бы ни занесла его судьба, он нигде не считал себя случайным путником и свято верил, что именно здесь и сейчас кто-то нуждается в его, Ланселота, помощи.

Именно эта вера и привела его теперь в город, который он покинул много лет назад.

В конце улицы он, наконец, нашел то, что искал, а именно харчевню «Горный Дракон», принадлежащую старому Перешнику, человеку степенному и в городке уважаемому.

На вывеске харчевни был изображен ошестинившийся иглами камнегрыз, и рыцарь, слезая с коня, про себя отметил, что художник, столь правдиво изображавший этого страшного хищника, непременно должен был видеть его живьем.

Дверь харчевни отворилась, и на крыльце появился сам хозяин — старый Перешник. Он учтиво поклонился гостю и произнес:

— Добро пожаловать в «Горного Дракона», сэръ... У нас вы можете отдохнуть и подкрепить

силы. Кушанья и напитки превосходные, цены умеренные!

Рыцарь кивнул.

— Хорошо, хорошо. Но сначала позаботьтесь о моем коне. Он проделал сегодня немалый путь и нуждается в подкреплении сил больше, чем я. Надеюсь, у вас найдется свежее сено и овес?

— О, не беспокойтесь, сударь! — с гордостью произнес хозяин. — На чем бы ни приехал к нам благородный путешественник, в «Горном Драконе» всегда смогут угодить и ему, и его э-э... животному. А уж кто только здесь не бывает! Позвольте, я немедленно распоряжусь... Эй, Форшмак!

На зов хозяина прибежал кругленький коротышка, принял у рыцаря копьё, взял коня под уздцы и увел в стойло, сказав на прощание:

— Не извольте беспокоиться, ваша милость. Мы свое дело понимаем.

Рыцарь вслед за хозяином вошел в харчевню и расположился за столом в углу. В ожидании заказанного ужина он снял шлем, под которым обнаружилась небольшая лысина, и принялся набивать трубку. Его удлиненное бледное лицо с острой бородкой и торчащими в стороны усами стало задумчивым. Он рассеянно оглядывал посетителей харчевни сквозь пенсне, оседлавшее его большой с горбинкой нос.

Неожиданно во дворе послышались крики, скрип тормозов и завывание ездовых волков. Дверь распахнулась, и в харчевню ввалились солдаты дворцовой стражи во главе с капитаном Кнутом.

— Всем сидеть! — скомандовал он. — Хозяин, ко мне! Живо!

Перешник стремглав прибежал с кухни. В руках у него было серебряное блюдо с жареным гусем, обложенным яблоками.

— К вашим услугам, господин капитан! — воскликнул он. — Рад приветствовать вашу милость и всех молодцов в «Горном Драконе»! Прикажете выкатить бочку?

— Молчать! — рявкнул капитан Кнут. — Вопросы задаю я, понятно?

Он обвел помещение взглядом, от которого посетители втягивали головы в плечи. Они знали, что капитан Кнут шутить не любит и под горячую руку ему лучше не попадаться. Хозяин стоял навытяжку, блюдо с еще шкворчащим гусем жгло ему пальцы, но он не смел шевельнуться.

— Кто из них, — Кнут кивнул на посетителей, — прибыл за последние полчаса?

— Только вот этот господин, — сказал хозяин, показывая блюдом на странствующего рыцаря. — Но он приехал только что... Вот я ему как раз подаю ужин... с вашего разрешения.

— Стоять! — снова рявкнул Кнут, и хозяин,

попытавшийся, было, освободиться от гуся, застыл, прикованный к месту этим грозным окриком.

Капитан медленно приблизился к рыцарю, который давно уже с любопытством за ним наблюдал, и, остановившись перед его столом, спросил:

— Кто такой?

Тот, сложив руки на груди, откинулся на спинку стула и с достоинством произнес:

— Сначала я хотел бы знать, сударь, кто вы такой, что считаете себя вправе задавать мне этот вопрос. А заодно потрудитесь объяснить, кто дал вам право врываться в заведение, предназначенное для отдыха усталых путников, и допрашивать мирных посетителей?

— Молчать! — рассвирепел капитан. — Или я прикажу доставить вас в такое место, где вы живо расскажете все, что у вас спросят! Я капитан Кнут, начальник сысского отряда, и перечить мне не советую, ясно?

Удивительный посетитель «Горного Дракона» усмехнулся и указательным пальцем поправил пенсне.

— Что ж, в свою очередь, я готов представиться, — сказал он. — Мое имя — Ланселот. Я странствующий рыцарь. Теперь, когда вам известно, с кем вы имеете дело, я имею честь сообщить вам, сударь, что вы невежа.

На минуту в харчевне воцарилась мертвая тишина. Затем горожанин, сидевший ближе других, с грохотом отодвинул стул и полез под стол — он понял, что сейчас начнется.

— Ах так? — прорычал Кнут и, обернувшись к солдатам, скомандовал: — Взять его!

Но прежде чем те двинулись с места, рыцарь был уже на ногах. Он отступил в угол и выхватил меч из ножен.

— Что ж, прошу, господа стражники, смелее! И пусть каждого из вас на смертном одре утешит мысль, что он пал от руки благородного рыцаря!

Однако капитан, вместо того чтобы командовать атакой, вдруг закричал:

— Стойте! Это не тот меч! Все назад! Хватит терять время, едем дальше!

Он повернулся и вышел за дверь. Солдаты гурьбой потянулись за ним. Снова застучали по мостовой колеса, послышался вой волчьих упряжек, и скоро отряд растворился в темноте.

— Уехали, — облегченно вздохнул хозяин, затворяя дверь. Блюдо с гусем уже стояло на столе перед Ланселотом, но тот все еще с удивлением разглядывал свой меч.

«Интересно, — бормотал он, — что имел в виду этот грубиян? Эх! Опять не повезло. А ведь так хорошо все складывалось!»

Сокрушенно покачав головой, рыцарь сел на

свое место и с ожесточением, словно перед ним был отряд стражников, набросился на ни в чем не повинную птицу.

Когда от гуся остались одни кости и Ланселот, восстановивший душевное равновесие, сыто отдувался, дверь харчевни опять открылась, пропуская новых гостей. Первым вошел юноша, почти мальчик, в клетчатой рубашке с закатанными рукавами, в школьных брюках и кроссовках, с широкой кожаной перевязью через плечо, на которой висел упрятанный в ножны меч. Позади него стояла высокая белокурая девочка с синими испуганными глазами. Она была в джинсах и светлой курточке.

Юноша обвел тревожным взглядом помещение и спросил хозяина. Появился старый Перешник. Подозрительно косясь на разорванный, перепачканный кровью рукав гостя, он просил пожаловать, отдохнуть и подкрепить силы, но прежнего оживления и радушия уже не слышалось в его голосе.

Однако юноша шепнул что-то на ухо хозяину, и тот сразу переменялся.

— Ах, от Бруса! — воскликнул он. — Проходите, проходите же, друзья мои, вот сюда, рассаживайтесь. Так вы что же, прямо из замка?

Юноша кашлянул.

— Не совсем...

— Понимаю! — закивал хозяин. — Старина Брус! Ну как он там? Все в караулы ходит?

— Он? Да. То есть нет! Собственно, он уехал. Сегодня.

— Уехал? Куда?

— К родственникам. На север. От этих слов хозяин застыл, точно громом пораженный.

Ах, вот оно что! — проговорил он наконец. — К северным, значит, за подмогой... Не иначе, события приближаются! То-то я смотрю, стража... — он быстро огляделся по сторонам и громко сказал:

— Однако здесь что-то шумно, идемте, господа, я провожу вас в более спокойное помещение. Там вы сможете отдохнуть.

Юноша поднялся было со своего места, но в этот момент раздался страшный треск, и вместе с дверью, сорванной с петель, в комнату влетели трое стражников. Следом за ними в дверном проеме показался высокий, закутанный в плащ человек. Длинные седые волосы выбивались из-под его широкополой, надвинутой на глаза шляпы.

— Вот он! — закричал человек, показывая на юношу рукой. — Хватайте его!

Юноша не стал дожидаться атаки и с криком: «Марина! Я задержу их, беги!» — бросился навстречу стражникам.

Он на ходу выхватил из ножен меч, и все, кто

был в харчевне, ахнули разом и зажмурились на мгновение, потому что лезвие меча сияло ярким голубым светом!

— Серебрилл... Серебрилл! — пронесся шепоток. — У него в руках Серебрилл!

Один из стражников, также вооруженный мечом, размахнулся и нанес удар, нацеленный юноше в голову, но легкий клинок Серебрилла метнулся навстречу тяжелому двуручному мечу, искры брызнули во все стороны, толстое стальное лезвие переломилось, как тростинка, и в руках стражника остался лишь жалкий обломок. Не теряя времени, юноша повернулся ко второму нападающему и сделал стремительный выпад. Шлем стражника разлетелся на куски, а сам он, схватившись за голову, бросился наутек. Третий стражник, угрожающе ворча и прикрываясь щитом, отступил сам.

— А, трусы! — закричал человек в плаще и бросился к дверному проему. — Арбалетчики, вперед!

Один за другим в харчевню вбежали четверо стрелков с арбалетами и выстроились в одну линию. Но едва они вскинули арбалеты, как самый крайний из них получил такой удар в плечо, что полетел на пол и повалил остальных — это странствующий рыцарь пришел на подмогу храброму юноше. Он вмиг разоружил арбалетчиков

и выбросил их за дверь в том же порядке, в каком они появились. Затем он повернулся к человеку в плаще.

Тот неподвижно застыл у двери, словно ноги его вросли в пол. Рыцарь медленно приблизился к нему.

— Ланселот! Ты... — прохрипел человек в плаще. Плечи его вдруг затряслись, он стянул с головы шляпу и обеими руками прижал ее к лицу.

— Мы все-таки встретились, Бескорыстный, — тихо произнес Ланселот. — Хотя для старых друзей тебя теперь нет дома. Не так ли ты велел ответить мне сегодня? О, не надо оправдываться! Я понимаю, у тебя теперь столько дел! Столько нововведений: сыскной отряд, полный город стражи! Всем этим нужно руководить, не правда ли? Необходимость, я отлично понимаю! Как же без сильного войска охранять свою репутацию бескорыстного? В нее теперь просто так никто не поверит!

Последние слова рыцарь произнес во весь голос. Посетители харчевни испуганно уставились на человека в плаще.

— Да ведь это же сам Бескорыстный! Вот тебе раз! Сначала сыскной отряд, наводящий ужас одним своим появлением, затем Серебрилл — знаменитый меч со светящимся лезвием, и наконец сам верховный правитель страны, врывающийся во

главе стражи в придорожную харчевню, — не слишком ли много зрелищ на один вечер даже для славящихся своей невозмутимостью жителей этих мест? Многие из них на всякий случай согнулись в поклоне.

Бескорыстный отнял шляпу от лица и поглядел на рыцаря.

— Ланселот! — пробормотал он. — За что? При посторонних...

— При посторонних?! — гневно воскликнул рыцарь. — Люди, ради которых мы вместе когда-то сражались, люди, окрестившие тебя Бескорыстным, стали теперь посторонними?! Как же они ошиблись в тебе! Ты всегда отказывался от награды за свои подвиги, и они приписывали это твоему бескорыстию, а оказывается, тебе просто мало было той награды, которую тебе предлагали. Ты жаждал абсолютной власти и громкой славы, ты добился своего, и теперь преследуешь каждого, кто не усердствует в восхищении тобой. Я только сегодня въехал в твои владения, но успел многое увидеть: глаза людей полны рабского страха, старые друзья, способные потревожить совесть Бескорыстного, не пускаются на порог его замка, в городе банда головорезов под названием «сыскной отряд» устраивает охоту на людей.

— Но он же украл Серебрилл! — вскричал Бескорыстный.

— Ерунда! — оборвал его рыцарь. — Ты отлично знаешь, что Серебрилл невозможно украсть. Он не каждому дается в руки.

— Но это мой меч!

— Снова ложь! Он давно уже не светился в твоей руке. Вспомни наш разговор во время моего последнего приезда. Узнав, что лезвие Серебрилла утратило свой блеск, я сразу заподозрил неладное. Мне следовало тогда же потребовать испытания меча в других руках, но ты был моим другом, и, боясь оскорбить тебя недоверием, я предпочел поверить в то, что волшебная сила его иссякла. Однако прошли годы, и все встало на свои места. Меч оказался ни при чем. Он сам нашел теперь нового хозяина, и тебе ничего не поделаться с этим. Иссякла не волшебная сила древнего клинка — не выдержала испытания совесть Бескорыстного!

Ланселот сунул оружие в ножны и отвернулся.

— А теперь пошел вон, — спокойно произнес он. — И помни — скоро всем станет известно, что Серебрилл снова в честных руках и лезвие его по-прежнему горит ярким пламенем. Берегись же!

Не обращая больше внимания на Бескорыстного, Ланселот подошел к юноше и протянул ему руку.

— Вы храбро сражались, молодой человек, поздравляю! Назовите же ваше имя, оно должно

стать известным в этом городе.

— Ростик, — просипел было мальчик, но, спохватившись, откашлялся и произнес громче:

— Ростислав.

— Прекрасно, сэръ Ростислав! Разрешите мне просить у вас чести быть представленным вашей даме!

Они подошли к девочке, которая все еще не могла прийти в себя и с ужасом глядела на черный дверной провал.

— Марина, — запинаясь, произнес юноша. — Это вот... сэръ Ланселот.

— Спасибо вам, — прошептала Марина и вдруг разрыдалась. — Спасибо! — всхлипывала она. — Если бы не вы...

— О! Какие пустяки! — воскликнул Ланселот. — Я рад, что помог сэру Ростиславу проучить этих бездельников. Не стоит расстраиваться из-за таких мелочей... Ведь нет же никакой опасности, что вы! Я вообще не понимаю... — рыцарь недоуменно пожал плечами и украдкой подмигнул юноше, — ...как можно думать об опасности, находясь под защитой столь отважного спутника? Да еще когда в руках у него Серебрилл — легендарное оружие древних героев! Знаете ли вы, что такое Серебрилл? Ого! Не выплавлена еще та сталь, не найден еще тот минерал, которые могли бы оставить царапину на

поверхности этого клинка. Самые мужественные воины, самые прославленные рыцари всех времен совершали подвиги с его помощью. И вот сегодня открывается новая страница истории Серебрилла. Поведайте же, прошу вас, как вам удалось им овладеть. И мне, и собравшимся здесь почтенным горожанам не терпится услышать эту историю.

Ростислав пожал плечами.

— Даже не знаю, что сказать. Он сам попал мне в руки в замке...

Рыцарь кивнул.

— Чаше всего именно так и случается. Но как же вы проникли в замок?

— Мы не проникли, — сказала Марина, глотая слезы. — Мы там очутились. Нам нужно выбраться отсюда и попасть домой!

— Да, — подтвердил Ростислав, — мы до сих пор не понимаем, куда попали. Нас было пятеро, мы шли по музею в нашем родном городе и вдруг... очутились здесь. Нам нужно найти наших друзей и вернуться домой. Но как это сделать? Мы даже не знаем, куда идти!

— На этот вопрос отвечу я!

Все обернулись. Бескорыстный все еще стоял у дверей. Он сгорбился и выглядел теперь совсем дряхлым стариком. Бесцветные глаза его мрачно глядели из-под густых седых бровей.

— Говори же! — сказал Ланселот. — Что тебе

известно?

Им некуда идти, — медленно произнес Бескорыстный. — Они пленники Черного Метеорита!..

Ранним утром трое всадников крутой извилистой дорогой поднимались в горы. Ланселот весело болтал, Марина и Ростислав молчали, сосредоточив все силы на управлении лошадьми.

— С этим Черным Метеоритом связана какая-то тайна, — говорил Рыцарь. — Но что именно, я не знаю. Бескорыстный мог бы, пожалуй, кое-что рассказать, но не станет. Вы же видели, как он уперся! Да и доверять ему опасно, он теперь совсем не тот человек, каким я его когда-то знал... Во всяком случае, друзья ваши где-то здесь, не во владениях Бескорыстного, так рядом, не рядом, так поодаль — что за беда! Мы объедем все известные мне земли и непременно их найдем! Ого-го-о!

Голос Ланселота гулким эхом рассыпался в горах.

— До чего же я люблю вот этот час, час начала нового путешествия, когда впереди лишь дальняя дорога и благородная цель! Что может быть милее сердцу настоящего мужчины! Не правда ли, сэр Ростислав?

— Вы совершенно правы, — ответил Ростислав, задумчиво глядя на дорогу. Благородная

цель, новое путешествие... Но сейчас его беспокоило другое. Что-то мешало ему до конца поверить в реальность происходящего. Эти серые скалы, поднимающиеся впереди, стук подков по каменистой тропе, ножны меча, бьющие по ноге, — все это, без сомнения, не сон, и рана на руке все еще ноет, напоминая о битве с мерзким чудовищем в полутемном коридоре замка Бескорыстного.

Но ведь вчера еще ничего этого не было! Не могло быть!

Был город. Обыкновенный человеческий город с улицами, покрытыми асфальтом, с милицейскими свистками на перекрестках, с толчеей у дверей магазинов и кинотеатров. Был краеведческий музей в старом замке на его окраине, и шла по музею экскурсия...

Экскурсия, подумал Ростислав. Вот! Вот с этого-то все и началось...

Глава 2

...Ростик медленно брел за экскурсантами, исподлобья поглядывая на развешанные вдоль стен портреты. Напудренные придворные красавицы и усатые бароны надменно смотрели на него, как бы спрашивая:

«А этот-то зачем здесь? Что он вечно путается у людей под ногами? Посмотрел бы сначала на

себя, а потом бы лез в приличное общество!»

Ростик поежился и поглядел на Марину и Арвида. Они давно уже отошли в сторону и, не обращая внимания на экспонаты музея, оживленно о чем-то болтали.

Ростик вздохнул. С ним она никогда не была такой веселой. Да и вообще не разговаривала. В лучшем случае, подарив усталый взгляд, бросала небрежно: «А! Это опять ты!» Ну почему? Почему этому самоуверенному выскочке Арvidу так легко удалось добиться ее расположения, а он, Ростислав Свечкин, человек во всех отношениях не глупый и не урод, не смеет даже подойти к ней, потому что знает — шансов на успех у него нет. И некому даже посетовать на свою горькую судьбу — в классе все считают его рохлей и слышать ничего не захотят о его переживаниях.

Неужели для того, чтобы тебя заметили, нужно быть дылдой метр восемьдесят пять, играть в баскетбол за сборную школы, тридцать раз подтягиваться на турнике, уметь водить отцовскую машину и ласточкой прыгать с пятнадцатиметровой вышки?

Начав про себя перечислять достоинства Арвида, которые снискали ему всеобщее восхищение, Ростик совсем загрустил. Конечно, ростом он был всего на несколько сантиметров ниже Арвида, но никому и в голову не приходило

взять его в сборную не то чтобы школы, но даже класса. Про него как-то всегда забывали. В лучшем случае Ростик доводилось участвовать в каком-нибудь скучном, всеми презираемом мероприятии, вроде олимпиады по физике, химии или литературе...

Марина, весело смеясь, оглянулась, но, скользнув равнодушным взглядом по залу, снова повернулась к Арвиду.

Ростик поспешно нагнал остальных. Экскурсия остановилась перед большим застекленным стендом с образцами средневекового оружия.

«Вот вам, пожалуйста, — думал Ростик, из-за спин столпившихся ребят разглядывая блестящие латы, рыцарские шлемы с пышными перьями, длинные копья и щиты с гербами.

— Только тем и занимались, что тузили друг друга чем попало. Кто больше всех железа наломает, тот у дам и в почете. А заглянуть такому болвану под шлем, у него там что тогда, то и сейчас — опилки. Эх, женщины, женщины...»

Однако девочек больше интересовали наряды фрейлин, обильно украшенные бантами и лентами, только Зойка Сорокина послушно смотрела на железные доспехи. Она стояла рядом с экскурсоводом, молодым бородатым парнем, внимательно слушала его и кивала каждому слову.

Что касается Борьки Меншикова, то он откровенно зевал. Было видно, что вся эта средневековая рухлядь ему, в общем, до лампочки.

Объяснив все про доспехи и оружие, экскурсовод повел ребят в следующий зал, стены которого были обиты темно-синей со звездами тканью. В центре этого небольшого без окон помещения на мраморном пьедестале лежал черный камень, величиной и формой напоминающий лошадиную голову.

«Этот метеорит, — значилось на табличке, — упал в окрестностях нашего города 27 июня 1753 года. Представляет собой сплав железа и никеля с вкраплениями молибдена, вольфрама и кремния».

Экскурсовод принялся рассказывать то же самое, только гораздо красивее. Он упомянул имена Галилея и Коперника, портреты которых висели на стене среди звезд, рассказал о значении этого метеорита для науки и общественной жизни города и, подчеркнув еще раз, что представленный экспонат является гордостью музея, направился дальше, увлекая за собой слушателей. Ростик пошел, было, вслед за всеми, но вдруг заметил, что Арвид и Марина отстали.

Арвид все еще стоял перед Коперником и, крепко держа Марину за руку, казалось, вдохновенно ей что-то рассказывал о трудной судьбе ученого. Марина оглядывалась вслед

уходившей экскурсии и пыталась высвободить руку, но делала это, как показалось Ростику, без должной настойчивости.

«Вот еще не хватало! — подумал он про себя и сейчас же вернулся к пьедесталу с метеоритом. — Хотят остаться наедине! Не выйдет!»

Внутри у Ростика все кипело от негодования, но внешне он оставался совершенно спокоен. Склонившись над черной глыбой, он принялся внимательно разглядывать ее ноздреватую поверхность, не без мрачного удовлетворения ощущая, как взгляд Арвида буравит его спину.

Ростик осмотрел метеорит со всех сторон и даже понюхал его, затем отошел на шаг и, сложив руки на груди, прищурился, как истинный знаток, любующийся осколком античной статуи.

Ему было неловко и стыдно перед Мариной, он чувствовал, что уши его горят в полумраке зала рубиновым светом. Но уступить этому наглецу! Ни за что.

В дверях показался Борька. Ему, видимо, нестерпимо надоела музейная скука, и он решил сбежать. Ростик обрадовался ему, как лучшему другу — теперь он был не один!

— Боб, — сказал он, не отрывая глаз от глыбы, — можно тебя на минутку? Есть одно дельце...

Борька удивился. Он считал себя деловым

человеком и редко обращал внимание на «чайников» вроде Ростика, которые не то что партию видеокассет толкнуть, одеться-то не могут по-человечески. Том не менее, услышав об «одном дельце», он задержался и даже повернул голову в сторону Ростика.

— Ну?

Марина, наконец, высвободила руку и от портрета Коперника перешла к портрету Галилея. Арвид двинулся за ней.

— Ну? — повторил Борька, подходя к Ростикку поближе.

Тот лихорадочно соображал, чем бы таким подольше задержать Боба в комнате.

— Знакомый один... предлагает... может, тебе нужно...

— Что?

— Ну, это, как оно... — Ростик ничего не мог придумать, как ни старался.

— Что «как оно»? Забыл, как называется? — Боб усмехнулся презрительно и повернулся, чтобы уйти, но его остановил неожиданно раздавшийся в пале голос Зойки Сорокиной:

— В чем дело, Меншиков? Ты куда? И остальные тоже, что такое? Кто вам разрешил отставать от класса?

Зойка влетела в зал и, подбегая ко всем по очереди, выносила порицания. Она любила во всем

быть первой или, вернее, главной и везде успевать. Ростик мог бы поручиться, что в этот самый момент в соседнем зале она продолжает стоять возле экскурсовода и заглядывает ему в рот.

— Я, понимаете, договариваюсь, — кричала Зойка, — стараюсь организованно провести ваше свободное время, а вы? Вот ты, Ростислав, скажи, пожалуйста, что ты здесь делаешь? Знакомишься с Метеоритом? А кто тебе дал право знакомиться с метеоритом, когда все уже знакомятся с бытом деревни девятнадцатого века? Вот так всегда, когда нужно сделать что-нибудь общественно полезное, ты стараешься улизнуть!

Ростик не ожидал такого поворота. Зойка выбрала для чтения нотаций его одного, как самого беззащитного, и уже не обращала внимания на остальных, а между тем за ее спиной Арвид снова завладел рукой Марины, шепнул ей что-то на ухо, и они быстро направились к выходу. Борька отступал в том же направлении.

Ростик чуть не лопнул от злости. Он не мог ничего сделать, вечная его неудачливость снова сыграла с ним злую шутку. В этот миг он по-настоящему ненавидел весь мир, а особенно белобрысого красавчика Арвида с его наглыми замашками, Марину, упорно не обращающую на него, Ростика, ни малейшего внимания, Борьку с его вечной пренебрежительной усмешечкой и,

наконец, больше всех — дуру Зойку с ее общественно полезным сдвигом.

— Ну что ты молчишь? — продолжала она наседать. — Я с тобой разговариваю или нет?

— Да отвяжись ты наконец!!! — не выдержав, завопил Ростик и в отчаянии хватил кулаком по черной глыбе метеорита.

Где-то, вне стен здания, раздался вдруг громовой удар, и в зале погас свет. Настала долгая, не нарушаемая ни единым звуком тишина.

— Что это? — послышался наконец голос Марины.

— Электричество отключили, — сказал Арвид.

— Нет, — хмыкнул Борька. — Это Ростик сигнализацию порвал под метеоритом. Сейчас милиция прибежит.

— Ну, Свечкин, ты за это ответишь... — процедила Зойка.

Ростик представил себе, как на поясе у нее сейчас тихо стукнет; деревянная кобура и во тьме тускло блеснет ствол маузера. Что ж, на Зойку это было бы похоже. Но что все-таки случилось? Он хотел как-нибудь поправить глыбу, на случай, если она действительно сдвинулась с места и включила сигнализацию, но, к своему огромному удивлению, никак не мог нашарить ее в темноте.

— Ну ладно, меня здесь не было, — сказал

Борька. Послышались его торопливые шаги, а затем глухой удар.

— Ох! Что за черт? Где дверь? А-а, все ясно! Сработала мышеловочка. Скажи-ка, Свечник, ну отчего ты такой дурак? Кто тебя просил трогать эту каменюку?

— Спокойно! — раздалась команда Зойки. — Всем оставаться на своих местах. Сейчас кто-нибудь придет и нас выпустят.

Но Борька не хотел ждать. Он стал ощупывать стену в поисках другого выхода.

— Не пойму я что-то, — слышалось его недовольное бормотание. — Камни какие-то... Обтянутые же стены были! Поплином по два пятьдесят, как сейчас помню!

— Боб, у тебя спичек нет? — спросил Арвид.

— Нету, нету, погоди! Что-то тут... Э, мужики, да здесь дверь!

Откуда-то вдруг послышался металлический скрежет.

— Открывается! — обрадованно воскликнул Борька.

— Подожди, сам не лезь! — сейчас же отозвался Арвид. — Я иду к тебе.

— Вы что?! Бежать собрались? — заверещала Зойка. — Не выйдет! Все останутся здесь до прихода администрации! Меншиков, ты слышишь? Немедленно отойди от двери! Меншиков! Эй! Я,

кажется, к тебе обращаюсь?

Но Борька не отзывался.

— Боб, ты где? — позвал его Арвид. — Я правильно иду?

Тишина.

— Смылся уже! — голос Арвида слышался теперь из другого конца комнаты и звучал гулко, как в трубе:

— Здесь коридор... Марина, иди сюда!

— Ребята, — заговорил наконец Ростик, — а метеорита-то нет! Ни его самого, ни тумбочки...

— Бедняжка! — сказала Марина где то поблизости. — Ты просто заблудился. Лучше уж держись от этого камня подальше, а то еще что-нибудь случится.

Кто-то вдруг схватил Ростика за руку и уверенно повел через комнату.

— Марина! — прошептал он, не веря счастью.

— Какая Марина? — взорвался над ухом Зойкин голос. — Ты, Свечкин, совсем ориентацию потерял, я вижу.

— А я не вижу, — вздохнул Ростик, покорно ступая за ней, — я совсем ничего не вижу...

— Ничего, ничего, — заявила Зойка, — сейчас я тебя выведу... на чистую воду!

— Правильно, Зойка! — крикнул Арвид из коридора. — Держи его, не отпускай! Будет знать, как экспонаты руками трогать. Марина, скорее!

— Стойте, вам говорят! Арвид, вернись! Зойка разжала руки и, оставив Ростика одного блуждать во тьме, устремилась на новую жертву. Наверное, она, как кошка, видела в темноте, потому что сразу нашла дверь, через которую вышли Боб и Арвид.

— Оставайтесь здесь! — сказала она Марине и Ростик. — А этих я сейчас верну...

Дверь взвизгнула, как визжат только тюремные решетки в мрачных сырых подземельях, и захлопнулась. Наступила мертвая тишина.

— Марина, ты здесь? — спросил Ростик. Никто не отозвался.

— Марина! — испуганно закричал он.

— Да не ори ты, — слышалось из другого конца зала, там, где была дверь. — Здесь я! Что-то тихо позвякивало в той стороне.

— Не открывается, — пробормотала Марина.

Ростик двинулся на ее голос, но сейчас же налетел грудью на какой-то острый угол.

— Ой!

— Что там у тебя? — спросила Марина.

— Здесь какие-то ящики, — Ростик, вытянув руки, поворачивался в разные стороны, и везде ему попадались деревянные стенки и крышки, схваченные металлическими полосами, с ручками и висячими замками.

— Брось их, иди, помоги дверь открыть! —

сказала Марина.

— Но ведь ничего этого не было!

Ростик никак не мог обойти ящики, они обступили его со всех сторон. Впервые Марина позвала его на помощь, а он тычется в эту тару, как слепой котенок! В отчаянии он бросился напролом, баррикада ящиков вдруг раздалась, образовав широкую брешь, и Ростик полетел на пол. Падая, он ухватился за что-то рукой, раздался звон стекла, металлический грохот, и сейчас же перед глазами его вспыхнул яркий свет. От неожиданности Ростик зажмурился.

— Ой, где это мы? — вскрикнула Марина. Ростик осторожно приоткрыл глаза и замер. Комната, до отказа набитая всякой всячиной, была освещена трепетным голубым светом. Свет этот, мерцающий, призрачный, исходил от меча, украшенного таинственной надписью. И этот меч Ростик сжимал в своей руке!

— Вот это да! — прошептала Марина, озираясь по сторонам.

Вокруг возвышались груды чеканной утвари, отливающей желтоватым блеском, вороха богато расшитой одежды, оружие и доспехи висели вдоль стен на крюках.

— Н-не может быть! — выдавил Ростик. Он с опаской отодвинул от себя меч, но выпустить его из рук не решился. Темнота страшила его еще больше.

«Откуда же все это взялось? — думал он. — И куда девался метеорит? Где Галилей и Коперник? Куда мы попали, в конце концов?!»

Низкий черный потолок. Стены из грубо отесанного камня. Маленькая железная дверь...

— Но этого же не может быть! — пролепетал Ростик.

— Да что ты заладил, не может быть да не может быть! — прикрикнула на него Марина и, помолчал, добавила:

— Я и сама знаю, что не может... Она снова повернулась к двери:

— Проклятый замок. Изнутри его не открыть... Ну что ты там встал? Иди сюда, посвети.

Ступая по рассыпанным на полу золотым монетам, Ростик подошел к двери и, приблизив светящееся лезвие к замку, стал разглядывать ржавую железную пластину с отверстием для ключа. Неожиданно с острия меча соскочила длинная искра и ударила прямо в замочную скважину. Замок щелкнул, и дверь сама собой широко распахнулась.

Марина и Ростик вошли в огромный сумрачный зал, шаги их гулко отдавались под высокими сводами. Узкие стрельчатые окна с цветными стеклами бросали неяркие блики на мозаичный пол.

Сначала Ростик показалось, что зал пуст. Но

в дальнем его конце, погруженном во тьму, вдруг раздался чей-то истошный крик:

— Да это же Серебрилл! Спасайся, кто может! И сейчас же сотни серых теней замелькали у противоположной стены, разбегаясь в разные стороны.

— Стойте! Стойте, трусы! — визжал чей-то начальствующий голос, покрывая гомон толпы. — Немедленно послать за псауком! Стражу на галерею! Он не должен выйти отсюда!

Марина и Ростик остановились, испуганно вглядываясь во мрак, но там, у стены, уже никого не было.

— Странно, — произнес Ростик. — Кто это не должен выйти отсюда?

— Психи какие-то, — пожала плечами Марина. — Или артисты... Надо посмотреть.

Она решительно направилась к смутно поблескивающему в дальнем конце зала сооружению. Ростик пошел за ней, но ему было немного не по себе... Не часто доводилось ему держать в руках светящийся меч. Он почти не ощущал его тяжести, лишь кончики пальцев словно бы покалывало тонкими иголочками.

Под выцветшим мрачным гобеленом, изображающим неведомого шипастого зверя, терзающего добычу, на небольшом возвышении стоял трон — пышно раззолоченное кресло с

подушками красного бархата и затейливым гербом на спинке. В стене позади трона было несколько дверей.

— Все разбежались, — сказала Марина, заглядывая в одну из дверей. — Что за чудачки!

— погоди! — окликнул ее Ростик. — Может, не стоит туда соваться?

Марина вздохнула.

— Свечкин, — сказала она с какой-то даже грустью. — Ну почему ты такой трус? Ростик почувствовал, что краснеет.

— Да нет, я... просто... — забормотал он, — подозрительные они какие-то... И меч этот...

— Ну и сиди здесь со своим мечом! — в сердцах воскликнула Марина, махнула рукой и скрылась за дверью.

— Куда ты? Я с тобой! — Ростик поспешил за ней и оказался в узком коридоре, освещенном несколькими факелами. Марина была далеко впереди. Она дошла до конца коридора, свернула за угол, и сейчас же до Ростика донесся ее отчаянный вопль.

Забыв обо всем на свете, он бросился вперед и в несколько прыжков достиг поворота.

Здесь коридор продолжался, однако теперь он стал шире и светлее — факелы торчали из стены через каждые три шага. Но Ростик ничего этого не заметил, поначалу он увидел лишь Марину,

прижавшуюся спиной к стене. Она словно пыталась раздвинуть ее и спрятаться от чего-то ужасного. И вдруг Ростик увидел...

Из глубины коридора быстро надвигалось нечто огромное, занимающее все пространство от пола до потолка, на мохнатых суставчатых лапах и с вытянутой, как у собаки, зубастой пастью, выходящей прямо из туловища. Странное существо надвигалось на Марину, а та, застыв в ужасе, не могла сдвинуться с места. Зверь был уже совсем рядом. Ужасная пасть его широко раскрылась, многочисленные глаза свирепо сверкали. Еще мгновение, — и он схватит Марину.

И тогда Ростик бросился в атаку.

— Назад! — орал он, размахивая мечом. — Марина, беги!

Об опасности он больше не думал. Что думать, когда она уже перед тобой!

Зверь остановился и чуть подогнул ноги, как будто готовился к прыжку. Его продолговатое, поросшее шипами тело медленно отодвигалось назад, его когтистые лапы словно вросли в каменные плиты, покрывающие пол.

Ростик увидел множество факелов, мелькающих далеко впереди, за спиной чудовища. Из глубины коридора доносился лязг железа и рев огромной толпы:

— Серебрилл!.. Серебрилл похищен!

Задержать... Не дать! Травить псауком!

Неожиданно над туловищем зверя взметнулся длинный тонкий хлыст с утолщением на конце. Это был хвост псаука. Ростик едва успел затормозить на скользких плитах. Шипастый шар ударил в пол у самых его ног. Осколки камня брызнули во все стороны, по плитам протянулась глубокая борозда от хвоста.

— Ах, так! — заорал Ростик и, подняв меч, накинулся на врага. Хвост псаука снова взвился под потолок и обрушил оттуда свой страшный удар. Но на этот раз он встретил на пути сверкающее лезвие меча.

Ослепительная вспышка на мгновение раздвинула стены коридора, от хвоста посыпались искры, как от высоковольтного провода, его извивающийся обрубок с шаром на конце закрутился по полу, разбрызгивая во все стороны капли белой маслянистой жидкости. Ростик не медля ни секунды перескочил через шар и оказался перед самыми лапами зверя.

Неожиданно псаук применил новый прием. Его вытянутое тело, словно стенобитный снаряд, рванулось вперед с неудержимой силой.

Ростик не смог отразить этого нападения, ему удалось лишь немного уклониться в сторону и избежать прямого удара. Массивная челюсть с торчащими во все стороны клыками вскользь

задела его по плечу и отбросила к стене.

Больно ударившись спиной, Ростик чуть не выронил из рук меч, но в этот самый момент вдруг увидел прямо перед собой усеянный острыми шипами бок псаука. Однако шипы были только сверху, на толстом спинном панцире, а пониже, у самого пола, виднелось белесое и мягкое на вид брюхо. Огромный зверь не мог быстро повернуться в узком для него коридоре. Задними лапами он цеплялся за стены, чтобы отскочить назад, а затем снова атаковать Ростика.

Но Ростик не дал ему этого сделать. Улучив момент, он обеими руками вонзил меч глубоко в брюхо псаука. Тело чудовища вдруг осветилось изнутри тусклым зеленоватым светом, по нему пробежала судорожная волна. Зверь беспорядочно задергал ногами. Одна из этих суставчатых колонн резко распрямилась и впечатала в стену глубокий когтистый след возле самой головы Ростика. Он отскочил в сторону и приготовился к отражению новых ударов, но все уже было кончено. Псаук больше не шевелился. В коридоре наступила тишина, только в отдалении слышался топот улепетывающей толпы.

Ростик вдруг опомнился и безумным взглядом обвел сцену сражения.

— К-как же это? — растерянно пробормотал он, почувствовав противную слабость в коленях.

Стена, о которую он опирался, стала заваливаться куда-то назад, и ему пришлось сесть на пол.

— Что с тобой?! — закричала Марина. Оцепенение ее разом прошло. Перескочив через вытянутые ноги чудовища, она бросилась на помощь Ростику.

— Что с тобой?! — повторяла она, склоняясь над ним и заглядывая ему в лицо. — Ты ранен?

— Не знаю... — проговорил Ростик. — Кажется, все в порядке...

Он оперся на меч и попытался подняться. Марина помогала ему.

— Ой! У тебя кровь на плече!

Ростик скосил глаза на разорванный рукав своей рубашки. Кожа на руке была рассечена, и из раны слабо сочилась кровь.

— Это еще... повезло, — сказал он и отвернулся, чувствуя, как в голове опять все поплыло. Откуда-то издали послышался слабый крик:

— Вперед! Дружно — навались! Во славу его светлости! Хо-го!

— Хо-го-о! — взревел целый хор голосов.

— Бежим! — Ростик схватил Марину за руку.

— Куда? — спросила она, послушно следуя за ним. — Где мы вообще находимся?

— Откуда я знаю! Попробуем вернуться в зал и поискать выход из этого сумасшедшего дома.

Крики позади стали слышнее.

— Что это за люди? — оглядываясь, бормотала Марина. — И что им от нас нужно?

— Ой, не спрашивай ты меня, пожалуйста! — взмолился Ростик.

Ему было страшно даже подумать о том, что нужно этим людям. Перед поворотом он неожиданно остановился.

— Ты чего? — спросила Марина.

— Т-с-с! — Ростик опустился на четвереньки, осторожно выглянул из-за угла и сразу же снова спрятался. Сейчас же целый рой стрел со свистом пронесся в воздухе и хлестко ударил в стену. Полетели мелкие крошки камня. Марина зажала себе рот ладонью, чтобы не закричать. По лицу ее текли слезы.

— Гады, — прошептал Ростик. — В живых людей...

Он вскочил и, крепко сжав руку Марины, потащил ее назад, мимо тела псаука в глубь коридора — навстречу приближающимся огням.

Им оставалось надеяться лишь на то, что коридор пересекается где-нибудь другим ходом. Иначе...

Сам не зная для чего, Ростик на бегу считал торчащие из стены факелы... десять, одиннадцать, двенадцать... Только не думать ни о чем другом, а то разревешься. Хорошо Марине, она девчонка...

двадцать четыре, двадцать пять, двадцать шесть...
Есть!!!

Черное прямоугольное отверстие зияло в стене. Боковой ход.

Повторив свой прием, вычитанный в каком-то детективном романе, Ростик заглянул за угол. Засады вроде бы не было. Они быстро нырнули в полумрак бокового хода и побежали вперед — подальше от опасного коридора.

Но что готовила им тьма впереди? Ни один из них не мог этого знать.

Путь освещало теперь лишь светящееся лезвие меча. Несколько минут Марина и Ростик бежали сломя голову. Им все казалось, что погоня преследует их по пятам.

Наконец Ростик замедлил бег и, вытирая пот со лба, с трудом пропыхтел:

— Все... не могу... больше! Давай отдохнем!..

Марина была не в силах вымолвить ни слова, она тяжело дышала и только слабо махала рукой, показывая куда-то вперед.

Ростик посмотрел повнимательней и увидел впереди на стене неяркий красноватый отсвет...

Коридор привел их в небольшой сводчатый зал, в котором горел один-единственный факел. Он освещал ряд низких полукруглых дверей, запертых на огромные висячие замки. По залу медленно прохаживался человек с алебардой на плече.

«Что же делать? Больше идти некуда, — думал Ростик. — Возвращаться назад тоже нельзя — с минуты на минуту может появиться вооруженная арбалетами погоня и, может быть, снова с псауком...

А этот стражник, кажется, один. Придется рискнуть, ничего другого не остается».

Оставив Марину в коридоре, Ростик вышел на свет и зашагал прямо к стражнику. Тот словно очнулся ото сна, вскинул голову, выпучил глаза, а потом вдруг одним прыжком отскочил к дальней стене и, загородившись алебардой, заорал:

— Не подходи! Не подходи, говорю! Хуже будет!

— Но почему? — спросил Ростик.

— Потому что отступить-то мне некуда, — пожаловался стражник. — Понимать же надо! Ой, погибаю! — завыл он. — Погибаю во славу его светлости, глыбу черную ему в глотку!

— Что? — удивился Ростик. — Что ему в глотку?

— Ой, нет! Это я пошутил! — еще больше испугался стражник. — То есть оговорился, то есть ничего я не говорил! Ни в чем я не виноват, за что же смерть-то принимаю, а?!

— Погодите реветь, я вам ничего плохого не сделаю, — попробовал успокоить его Ростик. Стражник сейчас же замолк.

— Правда? — произнес он, испытующе глядя на Ростика. — Честное слово?

— Честное слово.

— Вот за это спасибо, благородный молодой господин! А уж я вам отслужу, в долгу не останусь. Только вы это...

— Что?

— Тут у нас поверье такое есть... У кого в руках Серебрилл, у того честное слово — закон. Нет, это я не к тому, чтобы... А просто, вдруг вы не знаете...

— А где это — у вас? — спросил Ростик. — Где мы находимся?

— Находимся? Это, стало быть, докладываю... — стражник вытянулся, взял алебарду на караул и, уставив выпученные глаза в пространство, затараторил: — Пост номер пять, суточный, трехсменный! Под охраной и обороной состоят склады его светлости обмундирования и упряжи. Пароль — «Когтистый Вертихвост». Караульный Брус ответ закончил!

— Ну, понятно, склады, — сказал Ростик. — А где склады? В чем? Что это вообще за место? Что за его светлость? Здесь же музей был!

— Музей? — задумчиво произнес стражник. — Так вон вы откуда! И Серебрилл при вас... Выходит, новые времена наступают...

«Какие времена?» — хотел спросить Ростик,

но в зал вдруг вбежала Марина и закричала:

— Они идут!

Из глубины коридора послышался нарастающий шум.

— Брус, — сказал Ростик. — Как отсюда выбраться? Или хоть спрятаться, а? побыстрее только!..

Стражник поскреб затылок, глянул на Марину и, наконец, махнул рукой.

— Ладно! Вы меня с налету рубать не стали, и я вам за то помогу. Пошли!

Он снял с пояса связку ключей, отпер одну из дверей и с факелом в руке вошел в склад. Марина и Ростик последовали за ним.

Брус запер изнутри дверь на засов и повел их мимо длинных рядов сундуков и полок куда-то в глубь склада. Смешанный свет от факела и меча выхватывал из темноты туго набитые мешки, седла, бухты канатов, толстые пучки арбалетных стрел, аккуратно разложенные на полках. Откуда-то сбоку вдруг послышался кастрюльный звон. Марина и Ростик испуганно замерли.

— А, ерунда! — небрежно бросил Брус, не останавливаясь. — Это крысы.

— Крысы!!! — взвизгнула Марина.

Ростик вздохнул. Она еще способна пугаться крыс! Это после псаука-то!

Они отправились дальше. Скоро Брус свернул

в узкий проход между стеллажами.

— Осторожно, — предупредил он, — не зацепитесь.

Кругом торчали рукояти мечей, копья, кинжалы, секиры и прочее железо.

— Вот это, я думаю, вашей милости подойдет! — Брус снял с крюка кожаную перевязь с ножнами и протянул Ростику. — Незачем каждому встречному-поперечному знать, что вы несете Серебрилл. В нашем городе вам придется опасаться шпионов Бескорыстного. В открытую-то они побоятся нападать, но могут заманить в ловушку, так что ножны вам пригодятся, да и таскать на перевязи легче!

— Какой же он Бескорыстный, если у него кругом шпионы? — спросила Марина, когда они отправились дальше.

— Это верно, ваша милость, кругом, — согласился Брус. — Не найдете такой дыры, где бы их не было. Но и то сказать, как еще узнаешь, верит народ, что ты Бескорыстный, или нет? А так посылаешь шпиона потолкаться на рынке, он тебе и докладывает: так точно, мол, все, как один, верят, весь народ только и мечтает положить жизнь во славу Бескорыстного Вождя...

— А если кто-нибудь не мечтает? — настаивала Марина.

— Ну, про этих Бескорыстному не

докладывают, зачем такого человека огорчать? На то есть начальник Единодушного Одобрения.

— Какой начальник? — переспросил Ростик.

— Единодушного Одобрения. Когда-то все и правда были за Бескорыстного, и он даже слыл защитником слабых и угнетенных. У него тогда друзей было много, и они всю страну освободили от загорных борзаков, которые тут хозяйничали.

И Серебрилл — меч этот... Бескорыстный с ним не расставался. Бывало, как в битве или стычке какой — все равно, сверкнет только лезвие голубое, самосветное — сейчас враги разбегаются. Потому что против Серебрилла воевать сумасшедший разве что станет, да псаук безмозглый.

Так, значит, всех и победили. Жизнь пошла — лучше некуда, мир, достаток. Грабители из-за гор и носа не высывали. И так это славно лет пятнадцать пролетело — до сих пор люди вспоминают... Ну, друзья Бескорыстного, которые разъехались постепенно, а которые и померли, один он остался. Но не успокоился, все подвигов хотел, искал, кому бы помочь бескорыстно. И надумал, наконец, напасть на загорские земли.

Как сейчас помню: созвали нас в воскресенье на городскую площадь, и стал нам Бескорыстный расписывать, как тяжело жилось при борзаках и что, мол, перед потомками, первейший наш долг — вырвать с корнем эту заразу, уничтожить

разбойничье логово у наших границ. Ну, мы молодые тогда были, зеленые совсем, вроде вас... Брус вдруг поперхнулся.

— То есть я не то... ваша милость. Я не вам... не вас.

Ростик отмахнулся:

— Дальше, дальше!

— Ну и вот... Я говорю... молодые были, юные, стало быть. Ну и кричим ему, Бескорыстному, веди, мол, мы им покажем!..

А старики-то молчат.

А Бескорыстный кричит:

— Что же вы? Смелее! Наша слава ждет нас там!

Выхватил он меч и показывает на горы. Тут все так и сели — лезвие-то не светится!

А Бескорыстного чуть и вовсе удар не хватил, побледнел он, безумными глазами поглядел на меч, потом на нас, но ничего не сказал — повернулся и ушел.

После уж нам разъяснили, что из-за большого числа добрых дел, которые совершил Бескорыстный, волшебная сила у меча кончилась. Да только проверить нельзя было, никто другой его в руках не держал...

С тех пор и пошло: доносы, шпионы — очень уж Бескорыстного заботит, как к нему народ теперь относится, зовут ли все еще Бескорыстным или

выдумали новое прозвище. Набрал он себе помощников, а те и рады — законы издают, недовольных ловят. И сказано: к Бескорыстному относиться всем одинаково — с любовью и уважением, и что он ни скажет — сейчас всем выражать Единодушное Одобрение... Такая вот жизнь наша... Ну, пришли...

Они остановились перед низенькой дверцей с зарешеченным окошком, сквозь которое снаружи пробивался бледный свет. Брус отпер дверцу и по коридору вывел наконец Марину и Ростика на воздух — в тесный хозяйственный дворик позади замка Бескорыстного. Здесь они укрылись в тени раскидистого дерева и осмотрелись.

— Ворота видите? — прошептал Брус. — Сразу за ними повернете налево и бегом на перекидной мост. За мостом уже две дороги. Налево — вниз, в город, а направо — в горы. Но в горы не ходите, там такие чудовища обитают, что в одиночку да без опыта нечего и соваться. Бегите вниз — если будет погоня, спрячетесь в переулках. А дальше так: спросите харчевню старого Перешника на борзаковской дороге, ее всякий знает. Ну, а старику шепнете, что, мол, привет ему от Бруса. Он вам поможет... Да! Серебрилл-то без надобности из ножен не вынимайте, ваша милость, да поглядывайте вокруг повнимательней. Ну а если уж придется драться — тогда рубите смело, нет

такой силы, чтобы против этого меча устояла!

— А вы-то что же, остаетесь? — спросил Ростик.

— Нет, — ответил Брус. — Оставаться мне никак нельзя. Мне теперь с Бескорыстным не по пути. Только и с вами я не пойду, уж не сердитесь. Не тянет меня больше на приключения, стар стал. Если Перешник спросит про меня, скажите — на север ушел, родственников навестить... Ну, прощайте. Вам первым бежать...

Ростик хотел ему что-то сказать, но в это время из замка донеслись протяжные звуки трубы. Брус махнул рукой. Быстрее!

Марина и Ростик вышли из тени, миновали сарай и коновязь и бегом пустились к воротам. Как Брус и говорил, за воротами оказалась мощенная камнем дорога, ведущая к подъемному мосту. По ту сторону рва поднимались черные зубцы скал. Охраны нигде не было видно, наверное, она попряталась от лучей нещадно палящего солнца.

Мост прошли без помех. Дальше дорога повернула влево и стала спускаться в долину. Внизу показались громоздящиеся друг над другом крыши города...

Глава 3

Арвид кончил мести и выбросил мусор в

большой деревянный ящик, стоявший у дверей. Веник он швырнул туда же и на подгибающихся от усталости ногах поплелся к своему месту.

— Веселей шевелись, дохлятина! — крикнул ему один из дежурных сержантов.

— Ничего, когда пойдут глоты, у этого молодца прибавится резвости, — добавил другой, сдавая карты.

— Только пятки засверкают! — взвизгнул третий, толстенький краснощекий коротышка, и затрясся от хохота, радуясь собственному остроумию.

Первые двое, глядя на него, тоже загоготали. Несколько заспанных физиономий поднялись над нарами, и кто-то спросил хриплым шепотом:

— Что, подъем?

— Ну-ка, тихо там! — рявкнул сержант. — На цепь захотели?

Головы сейчас же попрятались.

Арвид добрался, наконец, до своего места в дальнем конце казармы. Здесь, у стены, рядом с крохотным окошком, выходящим на освещенный прожекторами плац, приткнулись двухъярусные нары. Угол этот считался особым, мелюзгу желторотую только что набранную по деревьям, сюда не селили, нары стояли широко, не в ряд, и помещались на них ребята, успевшие нюхнуть пороху.

Арвид снял кожаный панцирь, ослабил ремни на сапогах, бросил на тумбочку штык и фонарь и без сил повалился на нары.

Несмотря на усталость, сон все не шел. В тяжелом спертom воздухе казармы глухо раздавался дружный храп, чей то надсадный кашель, тихо потрескивал динамик сигнального пульта на столе дежурного. Из-под решетки у противоположной стены доносились стоны и всхлипывания пленного нетопыря, на котором во время занятий децим Беляш демонстрировал болевые приемы. Встревоженные близким соседством нетопыря, угрожающе порывивали коняки в стойлах, трещало дерево, когда они точили о него свои крепкие загнутые когти.

Над собой Арвид видел плохо оструганные доски верхних нар. Стоило лежавшему там Выдерге повернуться с боку на бок, и на Арвида сквозь широкие щели сыпалась соломенная труха. Ворочался Выдерга часто, шумно вздыхал и, наконец, шепотом спросил;

— Хруст, эй, Хруст... ты спишь?

Арвид промолчал. Хруст... Прошло всего несколько дней с тех пор, как он стал Хрустом, курсантом отдельной учебной центурии, но ему казалось, что никто не называет его Арвидом уже целую вечность.

В гарнизонном госпитале, где его держали

из-за контузии, он звался «лежачим из второй палаты», только старый военный знахарь во время ежедневного обхода называл его «голубчиком-привстаньте».

Однако, когда Арвид пытался рассказать добродушному старичку о том, как по музейному коридору попал сюда из другого мира, тот лишь досадливо морщился и назначал новые процедуры.

— Придется, голубчик, вам полежать еще день-два, — говорил он, протирая очки. — Да вы не расстраивайтесь — все это пройдет! Главное — не вставайте и не думайте ни о чем.

В конце концов, Арвид понял, что лучше помалкивать, если не хочешь проторчать здесь всю жизнь. Он должен отыскать дорогу домой, но для этого нужно, как минимум, выбраться из лазарета.

Приняв это решение, Арвид стал во всем соглашаться со знахарем, исправно принимал лекарства и процедуры, многие из которых не могли доставить больному ни малейшего удовольствия. Следствием такого примерного поведения явилось его полное, с точки зрения знахаря, выздоровление, и несколько дней спустя он был выписан из госпиталя «для дальнейшего прохождения службы в учебной когорте».

В учебную когорту Арвид прибыл поздно вечером. Когда скрипучая колымага, груженная тюками с бельем, через широкие ворота вкатила на

хозяйственный двор, ни в одном окне уже не было света, только ослепительно горели прожектора на плацу.

Колымага затормозила у дверей склада, и наваленные горой тюки посыпались на задремавшего Арвида. Возница выругался. Арвид потер глаза, спрыгнул на землю и забросил обратно в кузов выпавший мешок.

— Приехали, что ли? — спросил он.

— Тебе вон туда, — возница ткнул кнутом в сторону длинного приземистого здания.

Спустя полчаса Арвид уже сидел на нарах и грыз сухари, добытые для него Выдергой. Сам Выдерга сидел на тумбочке и, болтая ногами, тараторил:

— А я знал, что ты к нам попадешь, выписка на тебя пришла. Я так дециму и сказал: «Этого, говорю, парня непременно надо в наше отделение. Его, говорю, сам легат в учебку направил. Личным, намекаю, распоряжением... Я тут даже хотел к тебе сгонять, да разве отсюда выберешься?.. Ты ешь, ешь! И водичкой припивай. Знал бы я, что ты сегодня заявишься, я б тебе каши заначил... Ну, ничего, зато сухарей прорва. А вообще тут жратва ничего, жить можно.

Арвид кивал ему с набитым ртом.

Он вдруг почувствовал, что напряжение последних дней, не оставлявшее его ни на минуту,

понемногу спадает. Да, подумал он. Жить можно. Можно, потому что в этом странном, перепутанном мире у него нашелся настоящий друг.

От этой мысли Арвиду стало покойно и уютно, он хотел что-то сказать, но вместо этого сунул в рот протянутый Выдергой сухарь и принялся его грызть.

— Черт бы побрал этих молокососов! — слышалось из-за дощатой перегородки, пронзительно заскрипели нары, и в проходе показался всклокоченный, злой со сна децим Беляш. Он был в одних подштанниках и огромной, как у коняка, лапой чесал волосатую грудь.

Завидев его, Выдерга стал тихонько сползать с тумбочки.

— Это что ж такое? — просипел Беляш, приближаясь. — Мало вам пайка столовского? Взяли моду по всей ночи хрустеть. Мозги вышибу!

Выдерга толкнул Арвида ногой и отрапортовал:

— Спешу доложить, господин децим: новенький, прибыл из госпиталя, размещается согласно вашему приказанию!

— Вижу, что из госпиталя! — рявкнул Беляш. — Жрать круглые сутки, где ж такому научишься, как не по госпиталям!

— Да он пайка не получил, — осторожно возразил Выдерга, но, поймав свирепый взгляд

децима, сейчас же смолк.

— Хрустеть по ночам я никому не позволял и не позволю! — заявил Беляш. — Под режимную проверку хотите меня подвести? Зайдет дежурный, а тут хруст на всю казарму стоит! Да я вас лучше прямо щас поубиваю!

Он замолчал и, выкатив один глаз, уставился на Арвида, все еще сидящего на нарах.

— Доклада не слышу.

Арвид молчал, безуспешно пытаясь проглотить все, что у него было во рту.

— Ты что сидишь, оглобля деревенская, когда с тобой децим разговаривает?!

Арвид поднялся с нар, но говорить он не мог — рот его был набит сухарями. Вместо доклада он принялся жевать сухари, и в притихшей казарме раздался ужасный хруст.

На соседних нарах кто-то хрюкнул в подушку. Беляш свирепо оглянулся, но все вокруг спали мертвым сном.

— Ты что же это, — округлил он глаза на Арвида, — издеваешься?! Ну! Ну... смотри, парень. Ты попляшешь еще у меня... Ты ж меня узнаешь, как родного!

Он круто повернулся и ушел за перегородку.

С тех пор Арвид стал Хрустом, и никто, даже Выдерга, не называл его иначе.

Скоро он и сам привык к этому прозвищу, в

жизни его потекли похожие друг на друга пыльные и потные дни учебной когорты. Короткого сна в душной казарме едва хватало на то, чтобы хоть немного сбить дневную усталость, а другого времени для разговоров у курсантов не было, поэтому Арвид так и не сумел никому толком рассказать, откуда он и как сюда попал, да никто этим особенно и не интересовался.

Только однажды он попытался заговорить с Выдергой о своем мире, но тот лишь махнул рукой и заявил, что от проклятых фортификационных работ его тоже в последнее время кошмары одолевают, не стоит обращать внимания, ясное дело — жара виновата.

И все же иногда, в короткие ночные часы, Арвид невольно вспоминал тот день, когда впервые оказался здесь, и перед его глазами одно за другим возникали, словно выплывая из темноты, знакомые лица: Марина, Ростик, Боб, Зойка...

...Оставив Марину и Ростика у входа, Арвид долго шел по извилистому коридору, вытянув руки вперед и поминутно натываясь на скользкие, холодные стены. Воздух тут был тяжелый, затхлый, пахло плесенью, из-под ног с писком разбегались полчища мышей. Когда глаза привыкли к темноте, Арвид различил низкий сводчатый потолок, из стен кое-где торчали крепления для факелов.

«Факел бы не помешал», — подумал он и представил себя неуловимым лазутчиком, который, обманув бдительность часовых, с факелом в руке пробирается к пороховому складу. Конечно, дверь на склад охраняется, и предстоит жестокая схватка... Арвид поправил на воображаемом поясе воображаемый меч. Походка его стала стремительной и бесшумной. Опасность могла подстергать за каждым поворотом этого бесконечного коридора.

Наконец Арвид почувствовал, что воздух стал чище, а после крутого поворота далеко впереди забрезжил свет.

— Эге-гей! Тут выход! — обрадованно крикнул он и удивился, как гулко, будто в бочке, прозвучал его голос.

Он бегом добрался до маленькой деревянной дверцы, толкнул ее и на мгновение зажмурился от яркого дневного света.

Прямо у выхода, почти закрывая его, росли колючие кусты крыжовника. Изрядно поцарапавшись, Арвид выбрался наружу и некоторое время не мог понять, где находится. Местность была незнакомой. Прямо перед ним расстилалось поросшее высоченной травой совершенно ровное поле, на горизонте темнел лес. Слева тоже был лес, а справа на холмах виднелось несколько приземистых строений с высокими

конусообразными крышами. Кое-где над крышами поднимался сизый дымок.

«Это я с обратной стороны вышел», — догадался Арвид. Отойдя подальше, он принялся разглядывать стены замка. Высоченные, сложенные из огромных глыб дикого камня, они густо поросли плющом и светло-зеленым мхом. Заросли крыжовника непрерывной полосой тянулись вдоль стены в обе стороны, образуя непроходимую преграду, и Арвид с трудом смог отыскать глазами то место, где за ними скрывалась маленькая дверца. Чтобы не потерять ее окончательно, он присел на камень и принялся объедать ближайший куст крыжовника, не забывая самые крупные и спелые ягоды складывать в кепку для Марины.

Скоро кепка была полна до краев, а Марина все не появлялась.

«Ну, конечно! — хмыкнул он. — Девчонка, даже самая лучшая, все равно девчонка и, конечно же, боится темных коридоров и мышей».

Он представил Марину, вздрагивающую от каждого мышинного писка, этого размазну Ростика и решительно обругал себя балбесом. Хорош, нечего сказать! Нужно идти на выручку.

Неожиданно внимание его привлекли шум и крики. Арвид огляделся по сторонам и вскочил на ноги. Справа над холмами поднимался огромный столб жирного черного дыма, рвались вверх языки

пламени, а слева... Арвид даже потряс головой, чтобы отогнать наваждение.

Слева, со стороны леса, напрямик через поле стремительно неся отряд всадников. Бешено храпели кони, роняя с боков хлопья пены, суровы были лица пригнувшихся к холкам всадников. Руки их крепко сжимали поводья, звездчатые шпоры безжалостно вонзались в бока скакунов. Миг, и отряд скрылся за холмами.

Толком Арвид не успел ничего рассмотреть, но готов был поклясться, что у каждого всадника на голове был шлем с поднятым забралом, в отведенной назад и вниз правой руке — короткий меч, а кони... никогда еще не доводилось ему видеть таких коней. Через мгновение ноги Арвида сами несли его в сторону холмов.

Где-то по дороге потерялась кепка с ягодами, стебли высокой травы хлестали по лицу, но Арвид не чувствовал боли. Несколько раз он споткнулся и чуть не упал, сбил дыхание, а холмы все не приближались.

И вдруг, разметав заросли кустарника впереди, прямо на Арвида вывалилась огромная бронированная машина. Что-то пронзительно заскрежетало, гусеницы лязгнули, и бронетранспортер замер на месте, обдав Арвида горячей волной выхлопных газов. На броне откинулся люк, и кто-то заорал из горячего нутра

машины:

— Драпаешь?! Почему не в цепи? Марш к орудию, помощи раненому! Кому сказано?!

Только сейчас Арвид заметил, что к бронетранспортеру прицеплена пушка с измятым щитком. На лафете едва сидел, ухватившись рукой за какой-то рычаг, человек в потрепанных джинсах, босоножках и синей футболке. Из груди у него с левой стороны пониже ключицы торчала толстая оперенная стрела. По футболке вокруг нее расплывалось темное пятно.

— Долго ты будешь копать! — рявкнул все тот же голос.

Арвид бросился к пушке, на ходу пытаясь сообразить, что же здесь происходит. Война? Вторжение пришельцев из космоса? Или он просто сошел с ума?

Он едва успел ухватиться за лафет, как бронетранспортер рванул с места. Рискую свалиться прямо под колеса, Арвид подобрался к раненому, подтянул его повыше. Глаза у того были закрыты, из уголка рта стекала тоненькая струйка крови. Запекшиеся черные губы что-то шептали.

Меньше всего происходящее походило на съемки фильма. Тогда что же? Война?

Арвид наклонился к самому лицу раненого, но за шумом ничего не смог разобрать. Бронетранспортер внезапно остановился, будто

наткнулся на преграду, круто развернулся на месте. Арвид больно ударился обо что-то локтем. Раненый слабо шевельнул рукой и застонал.

В корме бронетранспортера распахнулись створки десантного люка, и оттуда один за другим выпрыгнули пять человек в одинаковой черной униформе и черных же касках с гребнем.

— Орудие изготовить! — раздался уже знакомый Арвиду командный голос. Он принадлежал высокому усатому человеку, также одетому в униформу, но с широким красным шевроном на правом рукаве.

Арвид спрыгнул со станины, осторожно попытался стащить раненого. К нему на помощь подбежал долговязый нескладный парень.

— Придерживай за плечи, — сказал он. Вдвоем они отнесли тяжелое обмякшее тело в сторону и положили на землю. Парень опустился перед раненым на колени, приложил ухо к груди. Потом медленно поднялся, сразу как-то сгорбившись, стащил с головы каску.

— Все, кончился Пентюх, — сказал он, — Сам виноват... Все геройствовал, все не верил...

На глазах парня показались слезы, он шмыгнул носом и утерся грязным рукавом. Арвид почувствовал, как в горле у него запершило.

— Как... кончился? — хриплым шепотом спросил он. — «Скорую» надо, врачей... как же это

может быть...

Парень дико посмотрел на него и не ответил.

— Выдерга! — заорал вдруг усатый. —
Снаряды! Парень нахлобучил каску и бросился к
бронетранспортеру. Орудие уже было отцеплено и
повернуто в сторону холмов.

— Левый дом... прямо под крышу,
осколочным! — надрывался усатый. — Огонь!

Орудие жახнуло так, что Арвид сразу оглох,
под ноги ему отлетела едко пахнувшая горелым
порохом горячая гильза. Все еще ничего не
понимая, Арвид на ватных ногах подошел к
орудию, тронул усатого за локоть. К нему
обернулось бешеное измазанное копотью лицо,
сильные руки схватились за ворот куртки, голова
Арвида замоталась из стороны в сторону.

— Ты что же это, а? — заорал усатый. —
Контужен, что ли?

Арвид попытался что-то сказать, но удар
кулака чуть не свалил его с ног.

— Снаряды давай, живо! — и усатый пинком
направил Арвида в сторону бронетранспортера, где
Выдерга доставал из десантного отсека плоские
ящики и складывал на землю.

— Отсюда бери, — кивнул он Арвиду. — Да
шевелись ты!

Арвид откинул крышку верхнего ящика,
осторожно вынул тяжелый, маслянисто

поблескивающий снаряд и медленно понес к орудию.

— Куда ложить... класть? — спросил он. Орудие еще раз жახнуло, от неожиданности Арвид чуть не выронил свою ношу.

— Возьмите же... кто-нибудь! — взмолился он. Кто-то выхватил у него снаряд.

— Левее, левее бери! — хрипел усатый. Он оттолкнул наводчика от прицела, сам прильнул к окуляру. — Огонь!..

Арвид вдруг увидел, как один из домов покосился, осел бесформенной грудой бревен, в небо взметнулся сноп искр, из развалин выбралась какая-то чудовищная блестящая туша и заскользила вниз по склону холма. От туши поднимался пар или дым, по земле вокруг нее метались сполохи голубого пламени.

— Да скорее же! — донесся до Арвида голос Выдерги.

Не в силах отвести взгляд от утешающей склон туши, Арвид схватил сразу весь ящик со снарядами, согнулся, рванул на себя и вдруг почувствовал, как что-то подняло его над землей, перевернуло — где-то внизу проплыла взрытая гусеницами земля, верхушки деревьев — а потом со всего маху швырнуло спиной на жесткое и острое.

На секунду Арвид потерял сознание, а когда открыл глаза, то из глубины десантного отсека

увидел на месте орудия дымящуюся воронку.

— Четыре выстрела! Всего четыре выстрела! — всхлипывал Выдерга, орудуя рычагами. Под левым глазом у него расплывался огромный кровоподтек, по измазанным щекам, оставляя светлые дорожки, текли маленькие, быстрые, злые слезы. Бронетранспортер швыряло из стороны в сторону, по полу десантного отсека перекатывались две черные каски, из угла в угол елозили ящики со снарядами.

— Пентюх говорил, предупреждал ведь Пентюх, не нужно туда соваться, хуже будет... Им что, хорошо им в штабе по картам воевать...

Бронетранспортер сильно тряхнуло, двигатель натужно взвыл.

— Ты там поглядывай! — прикрикнул Выдерга. Скрючившись в тесной башенке, Арвид его не слышал. Не из-за грохота и лязга. Грохота и лязга он тоже не слышал. И не видел ничего, погружившись в странное оцепенение, обеими руками судорожно сжимая рукоятки пулемета.

Будто сквозь толстый слой ваты, донесся до Арвида чей-то голос. Он тряхнул головой, и вдруг шум, скрежет, гулкие удары по броне разом обрушились на него.

— Стреляй же! — истошно вопил Выдерга. — Стреляй!

Сквозь узкую прорезь смотровой щели Арвид увидел, как сверху и слева, прямо на него пикирует что-то серое, похожее на огромные клочья мешковины. Только клочья мешковины не летают с такой скоростью. Перед Арвидом мелькнула оскаленная пасть, усеянная треугольными зубами, круглые вытаращенные глаза, вокруг которых росла короткая щетина... Раздался резкий удар, и в смотровой щели застряла, едва не коснувшись Арвида, короткая толстая стрела с зазубренным наконечником.

— Ты будешь стрелять?!

Арвид крепко сжал рукоятки, большими пальцами утопил гашетку. Пулемет судорожно задергался у него в руках, быстро пожирая набитую патронами ленту. Арвид до крови закусил губу и медленно водил дулом вверх и вниз, одновременно поворачивая башенку.

Вверх — вниз, вверх — вниз...

Вверх — по шарахающимся в разные стороны серым тварям. Вниз — по ним же, пытающимся укрыться в кустах и высокой траве.

Вверх — вниз, вверх — вниз...

А когда патроны кончились, он разжал онемевшие пальцы, опустил на пол, прямо на кучу теплых еще гильз, зажмурился и зажал уши ладонями.

Легат Кавран выслушал донесение, жестом отпустил посыльного и склонился над разложенной на походном столе картой. Некоторое время он всматривался в нее, а когда выпрямился, лицо его было мрачно. Хрустнул сломанный сильными пальцами карандаш. Тотчас же подскочил денщик, но легат молча отстранил его и вышел из палатки.

Быстрым шагом он миновал артиллерийскую батарею под зеленым маскировочным тентом, отмахнулся от доклада подбежавшего и вытянувшегося в струнку центуриона. Поодаль расположились голубые палатки полевого госпиталя. В ожидании раненых санитары играли в кости. Они еще не знали, что раненых не будет. Никто не знал, кроме легата и тех, кто уже не вернется с Красного Плато. В роще между холмами укрылись два турма конницы. Они ждали приказа выступить.

Они еще не знали, что такого приказа легат не отдаст.

В стороне за деревьями слышались громкие голоса. Легат подошел поближе. Майор Трилага, которого легат недолюбливал за несдержанность и скользкий взгляд маленьких бегающих глазок, распекал кого-то визгливым бабьим голосом.

— Я не спрашиваю, сколько вы сделали выстрелов, — верещал майор. — Я спрашиваю, почему бросили орудие? Почему не выполнили

приказ? Почему, я вас спрашиваю, не использовали весь боекомплект? Я спрашиваю...

— А ты там был? — прервал его звенящий от возбуждения голос. — Ты видел? Пушку вдребезги! Ты сходи, сходи проверь, посмотри, что осталось, потом спрашивать будешь! Растрясси свое брюхо! Ты нетопыря видел хоть раз?

— Молчать! Как смеешь?! — надрывался Трилага. Стиснутая воротником, его шея налилась кровью, щеки тряслись. — В штрафниках сгною, землю жрать будешь! Наши доблестные когорты там кровь проливают, и ни один, ни один человек не отступил, а вы!.. Труссы! Позор для всего легиона!

Легат Кавран вышел из-за деревьев. Посреди поляны, смяв куст акации, застыл бронетранспортер. На лобовой броне видны были многочисленные вмятины, из смотровой щели торчала оперенная стрела. Рядом с машиной стояли двое, на вид совсем юнцы, один в форме велиата, другой в цивильном. Вид у обоих был до смерти усталый.

— Оставьте, майор, — сказал вполголоса легат Кавран.

Трилага вытянулся в струнку, по-уставному звякнув клинком и задрав подбородок. Глазки его сейчас же забегали, словно пересчитывая пуговицы на мундире легата.